

Ф. А. ХАЙЕК

КАРЛ МЕНГЕР (1840—1921)¹

История экономики полна рассказов о забытых предшественниках, людях, чьи труды не оказали никакого влияния и были заново открыты только после того, как их главные идеи стали популярными благодаря другим людям, о поразительных совпадениях одновременных открытий и необычной судьбе отдельных книг. И ни в экономике, ни в любой другой отрасли знания почти не случается такого, чтобы работы автора, который революционизировал корпус уже вполне развитой науки и получил соответствующее признание, оставались столь же мало известными, как работы Карла Менгера. Сложно привести схожий пример, когда работа, наподобие *Grundsätze*, оказала длительное и устойчивое влияние, но все же имела — вследствие чисто случайных обстоятельств — чрезвычайно ограниченное обращение.

¹ [Эта статья, которая в целом соответствует работе Хайека о Менгере, опубликованной в: *Economica*, N. S., vol. 1, November 1934, pp. 393—420, а также в качестве введения к изданию избранных работ Менгера, осуществленному в 1934 году Лондонской школой экономики, дополнена материалами двух более поздних публикаций. Во-первых, добавлены фрагменты небольшой статьи о Менгере, написанной Хайеком для «Международной энциклопедии социальных наук»: *International Encyclopedia of the Social Sciences*, ed. David L. Sills (New York: Macmillan and The Free Press, 1968), vol. 10, pp. 124—127. Здесь в основном повторяется информация, изложенная в публикуемой статье, но также вводятся некоторые новые соображения и сведения относительно *Methodenstreit* и вклада Менгера в микроэкономическую теорию и в то, что позднее стало называться «методологическим индивидуализмом». Эти фрагменты содержатся в добавленных редактором примечаниях. Сам Хайек еще в 1965 году внес исправления и дополнения в статью для немецкого издания, и эти дополнения также приводятся здесь главным образом в виде новых примечаний.

История статьи вкратце такова. Впервые она была опубликована на английском языке в 1934 году в виде введения к переизданию *Grundsätze der Volkswirtschaftslehre* Менгера, первого из четырех томов, содержащих основные опубликованные работы Менгера.

Сведущие историки не сомневаются, что, если в течение последних шестидесяти лет² австрийская школа заняла особое место в развитии экономической науки, то это благодаря основам, заложенным этим человеком. Репутация школы в остальном мире и развитие его системы в важных отношениях обязаны усилиям его блестящих последователей — Евгению фон Бём-Баверку и Фридриху фон Визеру. Но сказать, что их фундаментальные идеи целиком и полностью принадлежат Карлу Менгеру, не значит умалить достоинства этих авторов. Не будь у него этих учеников, он мог бы остаться сравнительно неизвестным, мог бы даже разделить судьбу многих блестящих людей, которые предвосхитили его и были забыты, и почти наверняка в течение долгого времени о нем бы почти ничего не знали за пределами немецкоязычных стран. Но общим для всех членов австрийской школы — тем, что составляет ее своеобразие и лежит в основе последующих разработок, — является принятие учения Карла Менгера.

Независимое и почти одновременное открытие закона предельной полезности Уильямом Стэнли Джевонсом, Карлом Менгером и Леоном

ликованные работы Менгера и выпущенных Лондонской школой экономики в 17–20 томах ее «Серии переизданий редких работ по экономике и политической науке». Эти четыре тома были переизданы в Германии в виде: Karl Menger, *Gesammelte Werke* (Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1968–1970), а вводная статья Хайека, слегка пересмотренная и исправленная, была опубликована в переводе на немецкий в первом томе этого издания. Немного раньше она была издана на немецком языке в: H. C. Recktenwald, ed., *Lebensbilder großer Nationalökonomien* (Cologne: Kiereneur und Witch, 1965), pp. 347–364. О пересмотренной немецкоязычной версии Хайек пишет: «Пользуясь случаем, я несколько изменил переводной текст и учел различные замечания друзей, которые оказались настолько добры, чтобы прочесть черновой вариант»; также он выразил признательность Фридриху Энгель-Яноши, Регинальду Хансену, Карлу Менгеру-младшему, Людвигу фон Мизесу и Рихарду Шуллеру. Как уже отмечалось, в настоящую статью включены изменения, сделанные в немецком переводе. «Введение» Хайека также переиздавалось в первоначальном виде в сборнике: Henry William Spiegel, ed., *The Development of Economic Thought: Great Economists in Perspective* (New York: John Wiley; London: Chapman and Hall, 1952), pp. 526–553, а также в 1981 году в виде введения к английскому изданию *Grundsätze*: Carl Menger, *Principles of Economics*, op. cit.

Последняя работа Хайека о Менгере, «Место *Grundsätze* Менгера в истории экономической мысли», заново публикуется в виде приложения к этой статье. — *Ред.*]

² [Хайек писал в 1934 году. — *Ред.*]

Вальрасом прекрасно известно и не нуждается в пересказе. 1871 год — год выхода в свет «Теории политической экономии»³ Джевонса и *Grundsätze* Менгера — теперь многими справедливо считается началом современного этапа развития экономики. Джевонс изложил свои фундаментальные идеи девятью годами ранее в лекции (опубликованной в 1866 году)⁴, которая, тем не менее, не привлекла большого внимания, а Вальрас начал публиковать свои работы только в 1874 году, но полная независимость работы этих трех основателей совершенно очевидна. И хотя их центральные положения, основные идеи их системы, которым они и их современники закономерно придавали самое большое значение, остаются одними и теми же, их работы настолько явно различаются по общему характеру и обстоятельствам появления, что наиболее интересной проблемой на самом деле оказывается то, каким образом настолько различными путями можно было прийти к таким схожим результатам.

Чтобы понять интеллектуальную основу работы Карла Менгера, необходимо сказать несколько слов об общем состоянии экономики того времени. Хотя в течение четверти века между 1848 годом, датой выхода «Основ»⁵ Джона Стюарта Милля, и возникновением новой школы наблюдалось множество величайших триумфов классической политической экономики в прикладных областях, ее основания, особенно ее теория ценности, все больше утрачивали доверие. Возможно, само систематическое изложение в «Основаниях» Милля, вопреки или благодаря его полной уверенности в правильности теории ценности, вместе с его более поздним отказом от других важных идей доктрины больше, чем что-либо другое способствовало выявлению недостатков классической системы. Во всяком случае, критические выпады и попытки пересмотра теории множились в большинстве стран.

Нигде, однако, упадок классической школы экономистов не был более быстрым и всеобъемлющим, чем в Германии. Историческая школа напала не только на классические доктрины, полностью оставленные, — они никогда не имели прочных корней в этой части света; глубокое недоверие вызывали также любые попытки теоретического анализа. Отчасти это было связано с методологическими соображениями. Но в еще большей степени это было обусловлено резким неприятием практических выводов классической английской школы, которая стояла на пути реформа-

³ [W. Stanley Jevons, *The Theory of Political Economy* (London: Macmillan, 1871). — *Ред.*]

⁴ [W. Stanley Jevons, «Brief Account of a General Mathematical Theory of Political Economy», *op. cit.* — *Ред.*]

⁵ [Милль Дж. С. *Основы политической экономии*. Т. 1–3. М.: Прогресс, 1980–1981. — *Ред.*]

торского рвения новой группы, с гордостью называвшей себя «этической школой»⁶. В Англии экономическая теория находилась в состоянии застоя. В Германии выросло второе поколение исторических экономистов, которое не только никогда по-настоящему не ознакомилось с существовавшей развитой системой теории, но также приучилось считать любые теоретические спекуляции бесполезными, если не прямо вредными.

Доктрины классической школы были, по-видимому, настолько сильно дискредитированы, что не могли стать основой преобразования для тех, кого по-прежнему интересовали проблемы теории. Но в сочинениях немецких экономистов первой половины XIX столетия содержались семена для возможного нового развития⁷. Одна из причин того, почему классические доктрины не смогли укрепиться в Германии, заключалась в том, что немецкие экономисты всегда осознавали определенные противоречия, свойственные трудовой теории ценности или издержек. Возможно, отчасти благодаря влиянию Галиани⁸ и других французских и итальянских авторов XVIII века, сохранилась живая традиция, которая отказывалась отделять ценность от полезности. С самого начала столетия и до 1850–1860-х годов череда авторов, из которых выдающейся и наиболее влиятельной фигурой был, наверное, Херманн⁹ (о добившемся известности Госсене не стоит даже упоминать), пыталась сочетать идеи полез-

⁶ [Речь идет о *Sozialpolitik*, немецком движении за социальную реформу в XIX веке. — *Ped.*]

⁷ То же во многом верно и для Франции. Даже в Англии существовала особая неортодоксальная традиция, о которой можно сказать то же самое, но она полностью находилась в тени господствующей классической школы. И о ней важно упомянуть здесь потому, что работы ее выдающегося представителя Лонгфилда через посредство Херна, несомненно, оказали влияние на Джевонса. [Маунтифорд Лонгфилд (1802–1884) — ирландский юрист и экономист, который в своих «Лекциях по политической экономии» (Mountiford Longfield, *Lectures on Political Economy* [Dublin: R. Milliken, 1833]) придавал особое значение рыночным детерминантам стоимости, а не рикардианским (классическим) «реальным» или базовым издержкам; Уильям Эдвард Херн (1826–1888) — автор «Плутологии, или Теории попыток удовлетворить человеческие потребности» (William Edward Hearn, *Plutology: or the Theory of the Efforts to Satisfy Human Wants* [London: Macmillan, 1864]), трактата, развивающего идеи Бастиа и Герберта Спенсера. — *Ped.*]

⁸ [Фердинандо Галиани (1728–1787). — *Ped.*]

⁹ [Фридрих Б.В. фон Херманн (1795–1868) возглавлял кафедру в Мюнхенском университете, где он написал влиятельную работу: Friedrich B.W. von Hermann, *Staatwirtschaftliche Untersuchungen* (Munich: A. Weber, 1832). — *Ped.*]

ности и редкости при объяснении ценности, часто вплотную приближаясь к решению, предложенному Менгером. И именно этим построениям, которые должны показаться более практически настроенным современным английским экономистам бесполезными экскурсами в философию, Менгер обязан больше всего. Простой взгляд на обширные сноски в его *Grundsätze* или именной указатель, который добавлен к изданию 1934 года, показывает, каким необычайно широким знанием этих немецких, а также французских и итальянских авторов он обладал и какую незначительную роль по сравнению с ними сыграли авторы классической английской школы¹⁰.

Но хотя Менгер, вероятно, превосходил всех своих современников и основоположников доктрины предельной полезности по широте знания литературы — и только от страстного коллекционера книг, вдохновленного примером энциклопедистов, Рошера¹¹ можно было ожидать подобного знания во времена написания *Grundsätze*, — в списке авторов, на которых он ссылается, имеются курьезные пробелы, объясняющие отличие его подхода от подходов Джевонса и Вальраса.¹² Особенно показательно его явное незнание во время написания *Grundsätze* работы Курно¹³, которой, по-видимому, прямо или косвенно обязаны все остальные основатели современной экономической науки — Вальрас, Маршалл и, весьма возможно, Джевонс¹⁴. Но еще более поразителен тот факт, что в

¹⁰ [О том, чем Менгер обязан немецким экономистам его эпохи, см.: Eric Streissler, «The Influence of German Economics on the Work of Menger and Marshall», *op. cit.* Штрейсслер отмечает, что пять из десяти наиболее часто цитируемых автором в *Grundsätze* — немцы и только один (Адам Смит) — британец. Книга Менгера «безусловно, обнаруживает свою тесную связь с немецкой экономической наукой — почти *ad nauseam*» (р. 33). — *Ред.*]

¹¹ [Вильгельм Георг Фридрих Рошер (1817–1894) — профессор Лейпцигского университета и основатель старой немецкой исторической школы. *Grundsätze* посвящены Рошеру. — *Ред.*]

¹² Удивительно, что он не знал своего непосредственного немецкого предшественника Германа Генриха Госсена, но его не знали ни Джевонс, ни Вальрас, когда они впервые сделали свои идеи достоянием общественности. Первая книга, которая вообще воздала должное работе Госсена (F.A. Lange, *Die Arbeiterfrage* [Winterthur: Bleuler-Hausheer], вышла в свет в 1870 году, когда *Grundsätze* Менгера, вероятно, уже была в печати.

¹³ [Антуан Огюстен Курно (1800–1877) — профессор анализа и механики Лионского университета. — *Ред.*]

¹⁴ По словам сэра Джона Хикса, у него были некоторые основания полагать, что диаграмма Ларднера, отражающая теорию монополии, которая, по собственному

то время Менгер, по-видимому, не был знаком и с работой фон Тюнена¹⁵, которая кажется особенно близкой ему. Хотя можно сказать, что он работал в обстановке, особенно благоприятной для проведения исследований с точки зрения полезности, у него не было ничего столь же определенного для построения современной теории цен, как у его коллег в этой области, которые находились под влиянием Курно, а также — в случае Вальраса — Дюпюи и — в случае Маршалла — фон Тюнена.

Интересно представить, как развивалась бы мысль Менгера, будь он знаком с работами этих основателей математического анализа. Любопытно, что, насколько мне известно, он нигде не высказывался о ценности математики как средства экономического анализа¹⁶. Нет оснований полагать, что у него не было необходимых для этого специальных знаний или склонностей. Напротив, его интерес к естествознанию не вызывает сомнений, а сильный интерес к его методам прослеживается во всех его работах. И тот факт, что его братья, особенно Антон, как известно, интересовались математикой, а его сын Карл стал известным математиком, может служить свидетельством явных математических склонностей в его семье. Но хотя позднее он познакомился не только с работами Джевонса и Вальраса, но и с работами своих соотечественников Ауспитца и Либена, ни в одной из своих методологических работ он не обращается к математическому методу¹⁷. Не

признанию Джевонса, оказала на него значительное влияние, взята у Курно. См. об этом: John Hicks, «Leon Walras», *Econometrica*, vol. 2, 1934, pp. 338–348.

¹⁵ [Иоганн Генрих фон Тюнен (1783–1850) — первопроходец в теории сельского хозяйства и теории распределения с точки зрения предельной производительности и один из основателей математической экономики. См.: Johann Heinrich von Thünen, *Der Isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie* [1826–1863]; в переводе на английский: Johann Heinrich von Thünen, *The Isolated State* (Oxford and New York: Pergamon Press, 1966). — *Ред.*]

¹⁶ Но см. два письма Менгера к Вальрасу, датируемые 1883–1884 годами: William Jaffé, *Correspondence of Léon Walras*, *op. cit.*, vol. 1, p. 768 (letter 556) и vol. 2, p. 4 (letter 602). [См. также Jaffé, «Menger, Jevons and Walras Dehomogenized», *op. cit.*, pp. 521–522.

¹⁷ Единственное исключение — его рецензия на работу Ауспитца и Либена «Исследования по теории цен», опубликованная в газете *Wiener Zeitung* 8 июля 1889 года, — вряд ли можно назвать исключением в собственном смысле слова, так как он открыто говорит о своем нежелании обсуждать ценность математического изложения экономических доктрин. Общий тон рецензии, а также его неприятие того факта, что авторы, по его мнению, «используют математический метод не только как средство изложения, но и как средство изучения», подтверждают общее впечатление о том, что он не считал его особенно полезным.

следует ли нам сделать вывод о том, что он довольно скептически относился к его полезности?

Среди влияний, которые Менгер должен был испытать во время становления его собственной мысли, почти полностью отсутствует влияние австрийской экономической науки по той простой причине, что в начале XIX века в Австрии почти не было собственных экономистов. В университетах, в которых учился Менгер, политическая экономия преподавалась в составе курсов правоведения главным образом экономистами, приезжавшими из Германии. И хотя Менгер, как и все поздние австрийские экономисты, получил степень доктора права, нет никаких оснований полагать, что на него как-то серьезно повлияли его учителя экономики. И это подводит нас к его личной истории.

Родившийся 28 февраля 1840 года в Новом Сандеце, Галиция, на территории нынешней Польши, сын юриста, он происходил из старой семьи австрийских ремесленников, музыкантов, чиновников и офицеров, которая только поколением ранее переехала из немецкой части Богемии в восточные провинции. Его дед по материнской линии,¹⁸ богемский торговец, который сделал состояние во время наполеоновских войн, купил большое имение в Западной Галиции, где Карл Менгер провел большую часть своего отрочества, и до 1848 года застал полукрепостную жизнь

¹⁸ Антон Менгер, отец Карла, был сыном другого Антона Менгера, который происходил из старой немецкой семьи, эмигрировавшей в 1623 году в Эгер в Богемии, и Анны, урожденной Мюллер. Его жена Каролина была дочерью Йозефа Гержабека, торговца из Югенмаута, и Терезы, урожденной Калаус, предков которых можно проследить по записям о крещении до XVII и XVIII веков соответственно. [В нацистский период считалось, что члены австрийской школы, включая самого Менгера, были в основном евреями. Хайек написал в *Frankfurter Zeitung* опровержение, и 13 октября 1936 года *Frankfurter Zeitung* опубликовала следующую заметку: «Профессор Ф.А. фон Хайек, профессор экономики Лондонского университета, сообщил нам по поводу опубликованного в номере 511/512 от 6 октября отчета об университетской конференции национал-социалистического союза юристов, что в прочитанной на ней лекции было сделано ошибочное утверждение о том, что, помимо других ведущих членов “австрийской школы” экономики, даже ее лидер Карл Менгер, в частности, был евреем. Из письма следует, что профессор фон Хайек, занимаясь подготовкой собрания сочинений Карла Менгера при поддержке Лондонской школы экономики, — при написании введения к этому собранию сочинений — установил, на основании документов, принадлежащих сыну Менгера, что Карл Менгер и по отцовской, и по материнской линии, происходил из семей, проживавших в различных областях немецкой Богемии, что можно проследить по церковным записям до XVII–XVIII веков». — *Ред.*]

крестьян, которая в этой части Австрии сохранилась дольше, чем где-либо еще в Европе, за исключением России. Со своими двумя братьями — Антоном, позднее написавшем известные работы о праве и социализме, автором «Права на весь продукт труда» и коллегой Карла по факультету права в Венском университете, и Максом, известным членом австрийского парламента и автором работ по социальным проблемам, — он поступил в Венский (1859—1860) и Пражский университеты (1860—1863). После получения докторской степени в Краковском университете он поначалу посвятил себя журналистике, занимаясь написанием статей в Лемберг, а затем и в Вену по экономическим вопросам¹⁹. Через несколько лет он поступил на службу в пресс-бюро австрийского кабинета министров, которое всегда занимало совершенно особое положение в австрийской государственной службе и привлекало множество талантливых людей²⁰.

Визер сообщает, что Менгер однажды сказал ему, что одной из его обязанностей было написание обзоров состояния рынка для официальной газеты *Wiener Zeitung* и что при изучении отчетов о состоянии рынка его поразило явное противоречие между традиционными теориями цен и фактами, которые опытные практики считали решающими для установления цен. Было ли это истинной причиной, которая побудила Менгера заняться изучением ценообразования, или же, что кажется более вероятным, это только придало определенную направленность исследованиям, которые он вел после окончания учебы в университете, мы не знаем. Но почти не приходится сомневаться, что между 1867—1868 годами и временем выхода в свет *Grundsätze* ему пришлось усиленно работать над этими проблемами, откладывая публикацию до тех пор, пока система не сложится полностью в его сознании²¹.

Говорят, что, по его словам, он писал *Grundsätze* в состоянии нездорового воодушевления. Едва ли это может означать, что эта книга была продуктом внезапного вдохновения, что она была задумана и написа-

¹⁹ В это время Менгер принял участие в основании ежедневной газеты *Wiener Tagblatt*, вместо которой вскоре, однако, стала выходить *Neue Wiener Tagblatt*, на протяжении десятилетий остававшаяся одной из наиболее влиятельных венских газет. Менгер сохранил тесные связи с редактором последней Моричем Шепсом, и зачастую неподписанные статьи в этой газете приписывались Менгеру.

²⁰ [В своей небольшой статье о Менгере в «Международной энциклопедии социальных наук» Хайек пишет, что эта «должность часто служила трамплином к высшим постам государственной службы». — *Ред.*]

²¹ Дошедшие до нас ранние рукописные заметки по теории стоимости датируются 1867 годом.

на в большой спешке. Редко встречаются более тщательно продуманные книги; и редко первое изложение идеи бывает более глубоко проработанным во всех отношениях. Небольшая книга, вышедшая в свет в начале 1871 года, должна была стать первой, вводной частью всестороннего трактата. Фундаментальные вопросы, по которым он расходился с общепринятыми взглядами, рассматривались в ней в той полноте, которая была необходима для того, чтобы убедить автора в том, что он отталкивался от безупречно прочной основы. Проблемами, рассматривавшимися в этой «Первой, общей части», как гласила надпись на титульном листе, были общие условия экономической деятельности, обмена, цен и денег. Из рукописных заметок, о которых его сын²² сообщил более полувека спустя при подготовке вступительной статьи ко второму изданию, мы знаем, что вторая часть должна была быть посвящена «проценту, заработной плате, ренте, доходу, кредиту и бумажным деньгам», третья «прикладная» часть — теории производства и торговли, а четвертая — критике существующей экономической системы и предложениям по экономической реформе.

Его основной целью, как он заявляет в «Предисловии»²³, было создание единой теории цен, которая объясняла бы все связанные с ними явления, а также процент, заработную плату и ренту при помощи одной главной идеи. Но более половины тома посвящено вопросам, которые только подготавливали решение главной задачи, — понятию, которое определило своеобразие новой школы, т. е. ценности в ее субъективном, личном смысле. И даже этого невозможно достичь без всестороннего рассмотрения основных понятий, необходимых для экономического анализа.

Здесь явно прослеживается влияние ранних немецких авторов с их склонностью к несколько педантичным классификациям и пространному определению понятий. Но в руках Менгера проверенные временем «основополагающие понятия» традиционных немецких учебников обретают новую жизнь. Вместо сухого перечисления и определения они становятся мощным инструментом анализа, в котором каждый последующий шаг неизбежно вытекает из предыдущего. И хотя изложению Менгера

²² [Карл Менгер-младший (1902–1985) — математик и профессор Венского университета; позднее он преподавал в университете Нотр Дам и Иллинойском технологическом институте в Чикаго. Его статью об «Австрийском маржинализме и математической экономике» см.: *Carl Menger and the Austrian School of Economics*, op. cit. — Ped.]

²³ См.: *Gesammelte Werke*, op. cit., vol. 1, pp. x и 143n. [Р. 49 и 173 в английском издании 1981 года, *Principles of Economics*, op. cit; далее в этой статье в скобках приводятся на *Gesammelte Werke*, vol. 1. — Ped.]

все же недостает многих более впечатляющих фраз и изящных формулировок, встречающихся в работах Бём-Баверка и Визера, по своему содержанию оно не уступает, а во многих отношениях даже превосходит такие более поздние работы.

Цель этой статьи состоит не в связном изложении аргументации Менгера. Ведь есть несколько менее известные и подчас поразительные аспекты его трактовки, которые заслуживают особого рассмотрения. Австрийская школа, вопреки распространенному представлению, при рассмотрении технической структуры производства всегда уделяла особое внимание тщательному изучению причинной связи между человеческими потребностями и средствами их удовлетворения, которое с первых страниц подводит его к признанному ныне разграничению благ первого, второго и третьего порядка и столь же известной идее комплиментарности различных благ, а наиболее очевидным систематическим выражением этого служит разработка *vorwerttheoretischer Teil*, предвосхищающей рассмотрение теории ценностей в поздней работе Визера «Теория социальной экономики».

Еще более примечательна выдающаяся роль, которую с самого начала играет элемент времени. Распространено представление, что ранние представители современной экономической науки склонны были пренебрегать этим фактором. В отношении основателей математического описания современной теории равновесия²⁴ такое впечатление, вероятно, оправданно. Иначе обстоит дело с Менгером. Для него экономическая деятельность, по сути, представляет собой планирование будущего, и его рассмотрение периода или скорее различных периодов, на которые простирается человеческое предвидение различных потребностей²⁵, вполне современно по своему подходу.

Сейчас трудно поверить, что именно Менгер первым предложил в качестве основания для различия между бесплатными и экономическими благами идею редкости. Но, как он сам замечал²⁶, хотя эта идея не была известна в английской литературе, все немецкие авторы, которые использовали ее до него, и особенно Херманн, пытались положить в основу такого различия наличие или отсутствие издержек в смысле приложения усилий. Но весьма примечательно, что хотя весь анализ Менгера основывается на идее редкости, сам этот термин нигде не используется. «Недостаточное количество» или *«das ökonomische Mengenvverhältnis»* — самое точное, но несколько тяжеловесное словосочетание, которое он использовал вместо него.

²⁴ [Джевонс, Вальрас и Вильфредо Парето. — *Ped.*]

²⁵ См.: *Gesammelte Werke*, op. cit., vol. 1, pp. 34–36 [79–82].

²⁶ *Ibid.*, p. 70n [109, 291–292].

Отличительная особенность его работы в целом заключается в том, что он уделяет больше внимания осторожному описанию явления, а не наделению его коротким и подходящим названием. Из-за этого его изложение часто лишается желаемой выразительности. Но это также позволяет ему избежать некоторой односторонности и склонности к упрощению, к которой так легко ведут краткие формулировки. Классическим примером этого, конечно, является тот факт, что Менгер не был автором и, насколько мне известно, никогда не использовал термин «предельная полезность», введенный Визером, а всегда объяснял понятие ценности при помощи несколько неуклюжей, но точной фразы – «значение, которое для нас имеют конкретные блага или количества благ вследствие того, что в удовлетворении своих потребностей мы сознаем зависимость от наличия их в нашем распоряжении», и определял величину этой ценности значением, придаваемым наименее важному удовлетворению, получаемому от имеющейся единицы этого блага²⁷.

Еще один, возможно, менее важный, но не менее показательный пример неприятия Менгером сжатого выражения в одной-единственной формуле встречается еще раньше при рассмотрении снижения остроты потребностей индивида с ростом насыщения. Этот психологический факт, который позднее получил название «закона насыщения потребностей Госсена», занял, пожалуй, чересчур большое место в изложении теории ценности и даже был назван Визером главным открытием Менгера, занимает в системе Менгера более подобающее ему второстепенное положение в качестве одного из факторов, которые позволяют нам упорядочивать различные чувственные потребности человека в порядке их значимости.

Взгляды Менгера удивительно современны еще в одном и более интересном вопросе, связанном с чистой теорией субъективной ценности. Хотя иногда он говорит об измеримости ценности, его изложение позволяет понять, что он имеет в виду только то, что ценность любого блага может быть выражена через сопоставление с другим благом такой же ценности. Что касается чисел, которые он использует при рассмотрении шкалы полезности, он четко говорит, что они призваны отражать не абсолютное, а только относительное значение потребностей²⁸, а сами примеры, которые он приводит в своем изложении, ясно дают понять, что он считает их не количественными, а порядковыми величинами²⁹.

²⁷ См.: *Ibid.*, p. 78, и ср.: p. 99 [115 и 132].

²⁸ См.: *Ibid.*, pp. 163–171 [183–190].

²⁹ См.: *Ibid.*, p. 92 [125]. Из других особенностей трактовки Менгером общей теории ценности можно упомянуть его постоянное подчеркивание необходимости

Помимо общего принципа, который позволил ему положить в основу объяснения ценности полезность, еще одним важным вкладом Менгера, возможно, является его применение этого принципа к случаю, когда для удовлетворения потребности требуется более одного блага. Именно здесь скрупулезный анализ причинной связи между благами и потребностями приносит свои плоды. Даже сегодня почти не осознают, что Менгер решил проблему распределения полезности конечного продукта между несколькими сочетающимися благами высшего порядка – проблему вменения, как она позднее была названа Визером, – при помощи достаточно развитой теории предельной производительности. Он явно проводит различие между случаями переменных и постоянных пропорций между двумя или более факторами, которые могут быть использованы при производстве любого блага. И он решает проблему в первом случае, отмечая, что такие различные факторы производства, которые могут замещать друг друга для получения того же дополнительного количества продукта, имеют равную ценность, а в случае с постоянными пропорциями он отмечает, что ценность различных факторов определяется их полезностью при ином использовании³⁰.

В этой первой части книги, посвященной изложению теории субъективной ценности и вполне сопоставимой с более поздними изложениями Визера, Бём-Баверка и других, в изложении Менгера присутствует только один серьезный изъян. Теорию ценности вряд ли можно назвать полной и достаточно убедительной, если роль, которую играют издержки производства в определении относительной ценности различных благ, не получает четкого объяснения. В самом начале своего изложения Менгер отмечает, что он сознает проблему и обещает решить ее позднее. Но обещание так и не было выполнено. Изложить закон альтернативных издержек довелось Визеру («закон Визера»): закон, согласно которому другие направления использования, соперничающие за факторы производства, так будут ограничивать количества, доступные какому-то одному направлению производства, что ценность продукта не упадет ниже суммы ценностей, которая может быть получена этими факторами при производстве в других направлениях.

классификации различных товаров по экономическим, а не техническим основаниям (pp. 115–117 [142–144] и примечание на p. 130 [303–305]), его предвосхищение доктрины Бём-Баверка о недооценке будущих потребностей (pp. 122, 127–128 [148, 152–154]), а также тщательный анализ процесса накопления капитала, вследствие которого первоначально бесплатные факторы производства превращаются в редкие блага.

³⁰ *Ibid.*, pp. 138–142 [162–165].

Иногда говорят, что Менгер и его школа были так довольны своим открытием законов, определяющих ценность в экономике индивида, что были даже готовы быстро и чересчур упрощенно применить те же законы к объяснению цены. Такое утверждение в какой-то мере оправданно, когда дело касается работ некоторых последователей Менгера, особенно молодого Визера. Но этого, безусловно, нельзя сказать о работах самого Менгера. Его изложение полностью подчинено правилу, которому позднее придавал такое значение Бём-Баверк, что любое удовлетворительное объяснение цены должно состоять из двух отдельных составляющих, причем объяснение субъективной ценности является только одной из них. Оно составляет основу для объяснения причин и границ обмена между двумя или более людьми. В этом отношении показательно менгеровское решение в *Grundsätze*. Глава об обмене, которая стоит перед главой о ценах, делает влияние ценности в субъективном смысле на объективные отношения обмена вполне понятным и без утверждения большей, чем может быть оправдано исходными посылками, степени соответствия между ними.

Сама глава о ценах с ее тщательным рассмотрением того, как относительные представления о ценности индивидуальных участников обмена влияют на отношения обмена в случае изолированного обмена между двумя людьми в условиях монополии и, наконец, в условиях конкуренции, представляет собой, наверное, наименее известный вклад *Grundsätze*. Тем не менее, только при чтении этой главы сознаешь сущностное единство его мысли, ясную цель, которая направляет его изложение с самого начала и до конца.

Что касается последних глав, где рассматривается влияние производства на рынок, научное значение термина «товар» (*Ware*) в отличие от его обыденного значения, различия в степени их способности к сбыту, и, наконец, денег, то в этом отношении сказать почти нечего. Идеи, содержащиеся здесь, и разрозненные замечания о капитале, содержащиеся в предыдущих разделах, были только первыми набросками, которые получили развитие в более поздних публикациях. И хотя они оказали серьезное влияние, известными они стали только благодаря более позднему и более подробному изложению.

Такое подробное рассмотрение здесь содержания *Grundsätze* может быть оправдано выдающимся положением этой работы среди публикаций Менгера, а по сути и среди всех работ, заложивших основы современной экономической науки. Возможно, в этой связи уместно процитировать суждение ученого, лучше всего способного оценить относительные достоинства различных вариантов современной школы, Кнута Викселла, который первым наиболее успешно соединил то лучшее, что было в

учениях различных групп. По его словам, «своей славой он обязан этой работе и благодаря ей его имя дойдет до потомков, поскольку можно с уверенностью сказать, что после “Начал” Рикардо не было ни одной книги — даже с учетом блестящих, хотя и довольно афористичных достижений Джевонса и необычайно трудной работы Вальраса, — которая оказала бы на развитие экономической науки такое большое влияние, как *Grundsätze* Менгера»³¹.

Но сам прием этой книги едва ли можно назвать восторженным. Ни один из рецензентов в немецких журналах, кажется, так и не понял значения ее основного вклада.³² У себя на родине попытки Менгера получить на основании этой работы право чтения лекций в Венском университете увенчались успехом лишь после преодоления определенных трудностей. Едва ли он знал, что перед тем, как он начал читать свои лекции, университет окончили два молодых человека, которые сразу увидели в ней «архимедову точку опоры», как назвал ее Визер, позволяющую совершить переворот в существующих системах экономической теории. Бём-Баверк и Визер, его первые и наиболее восторженные последователи, никогда не были его непосредственными учениками, и их попытка популяризировать учение Менгера на семинарах ведущих представителей старой исторической школы — Книса, Рошера и Гильдебранда — не принесла никаких плодов³³. Но постепенно влияние Менгера у себя в стране возросло. Вскоре после его повышения на должность экстраординарного профессора Менгер (в 1873 году) оставил свое место в канцелярии пре-

³¹ Knut Wiksell, «Carl Menger», *op. cit.*, p. 118.

³² За исключением, возможно, рецензии Хака в *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*, vol. 28, 1872, pp. 183–184, который не только отметил превосходное качество работы и новизну использованного в ней метода, но также указал, в отличие от Менгера, что экономически значимые отношения между благами и потребностями представляют собой отношения не между причиной и следствием, а между средствами и целями.

³³ Возможно, не такой уж неуместной будет здесь попытка исправить ошибочное впечатление, которое может создаться вследствие утверждения Альфреда Маршалла, что в 1870–1874 годах, когда он подробно излагал свою теоретическую позицию, «Бём-Баверк и Визер еще сидели за партой в школе...» (*Memorials of Alfred Marshall*, ed. A.C. Pigou (London: Macmillan, 1925), p. 417). В 1872 году оба они закончили учебу в Венском университете и поступили на государственную службу, а в 1876 году уже смогли изложить на семинаре Книса в Гейдельберге основные элементы своего учения. [Карл Книс (1821–1898) преподавал в Гейдельбергском университете с 1865 по 1896 год; Бруно Гильдебранд (1812–1878) преподавал в Йенском университете. — *Ред.*]

мьер-министра к большому удивлению его начальника Адольфа Ауэрсперга, который не мог понять, как кто-то может хотеть поменять должность, открывающую широкие перспективы для удовлетворения больших амбиций, на академическую карьеру³⁴. Но это еще не было последним «прощай!» миру политики. В 1876 году Менгер был назначен учителем несчастного кронпринца Рудольфа, которому тогда было восемнадцать лет от роду, и сопровождал его в длительных поездках по Европе, включая Англию, Шотландию, Ирландию, Францию и Германию³⁵. После своего возвращения в 1879 году он возглавил кафедру политической экономии в Вене и погрузился в спокойную и размеренную жизнь ученого, которая была столь характерной для второй половины его долгой жизни.

К этому времени идеи его первой книги – в этот промежуточный период он не опубликовал ничего, если не считать нескольких небольших рецензий, – начали привлекать широкое внимание. Заслуженно или нет, но в случае с Джевонсом и Вальрасом именно математическая форма, а не содержание их учения, по-видимому, была их главным нововведением и составляла основное препятствие для его принятия. Но для понимания менгеровского изложения новой теории ценности подобных препятствий не было. В течение первого десятилетия после публикации книги ее влияние стало стремительно распространяться. В то же самое время Мен-

³⁴ К тому времени Менгер уже отверг предложения стать профессором университетов в Карлсруэ (1872) и Бадене (1873), а немного позднее отклонил также должность профессора в Цюрихском политехническом институте с перспективой получения должности постоянного профессора в Университете.

³⁵ [Кронпринц Рудольф (1858–1889), сын Франца-Иосифа I (1830–1916), в январе 1889 года совершил самоубийство, будто бы из-за пессимистической оценки политического будущего Австрии (хотя его настоящие мотивы неизвестны). Только недавно стало известно, чему Менгер учил Рудольфа в области экономической науки и политики, благодаря находке неопубликованных тетрадей кронпринца с лекциями Менгера. О содержании этих тетрадей см.: Eric Streissler, «Carl Menger on Economic Policy: The Lectures to Crown Prince Rudolph», *op. cit.* Как ни странно, Рудольфу, по-видимому, читался курс классической политической экономии – Адам Смит в толковании Карла Генриха Рау и Ф.В.Б. Херманна – безо всякого упоминания о революционных идеях, содержащихся в *Grundsätze*. Хайек также сообщает в своей статье о Менгере в «Международной энциклопедии социальных наук», что Менгер, «по-видимому, помог кронпринцу в составлении памфлета (анонимно опубликованного в 1878 году), в котором критически оценивалась роль высшей австрийской аристократии. Когда в 1906 году, спустя семнадцать лет после смерти эрцгерцога, открылось его авторство, это вызвало некоторое замешательство». — *Ред.*]

гер приобрел репутацию отличного преподавателя, и его лекции и семинары стали посещать все больше студентов, многие из которых впоследствии стали уважаемыми экономистами. Помимо уже названных, среди ранних членов его школы особого упоминания заслуживают Эмиль Сакс и Иоанн фон Коморжинский, а также его студенты – Роберт Мейер, Роберт Цукеркандль, Густав Гросс, а чуть позже Германн фон Шуллерн цу Шраттенхофен, Рихард Рейсх и Рихард Шуллер.

Но если в Австрии шел процесс формирования новой школы, то в Германии – больше, чем в других странах – отношение к экономистам было враждебным. Именно тогда в Германии получила наибольшее влияние молодая историческая школа под руководством Шмоллера. На смену оберегавшему традиции *Volkswirtschaftliche Kongress* пришел вновь созданный *Verein für Sozialpolitik*³⁶. Курсы экономической теории в германских университетах читались все реже. Таким образом, работе Менгера не было уделено должного внимания не потому, что немецкие экономисты считали, что он ошибался, а потому, что они считали предложенный аналитический подход бесполезным.

Вполне естественно, что в таких условиях Менгер считал более важным не продолжение работы над *Grundsätze*, а защиту избранного им метода от притязаний исторической школы на обладание единственным подходящим инструментом исследования. Именно этими обстоятельствами обусловлено появление его второй большой работы – *Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der politischen Oekonomie insbesondere*³⁷. Необ-

³⁶ [*Verein für Sozialpolitik* (Союз социальной политики) был создан для проведения социальной и экономической реформы законодательным путем, в отличие от либеральной политики групп, наподобие *Volkswirtschaftliche Kongress*. См.: Franz Boese, *Geschichte des Vereins für Sozialpolitik* (Berlin: Duncker und Humbolt, 1939). – *Ред.*]

³⁷ Carl Menger, *Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der politischen Oekonomie insbesondere*, *op. cit.* В своей статье о Менгере в «Международной энциклопедии социальных наук» Хайек пишет о его работе (называя ее по заглавию первого английского издания): «В... “Проблемах экономики и социологии”... [Менгер] попытался обосновать важность теории для социальных наук. Такое предприятие казалось ему необходимым из-за полного безразличия или даже враждебности большинства его немецких коллег, находившихся под влиянием антитеоретического подхода молодой исторической школы в экономике, к его попытке в “Основаниях” пересмотреть всю экономическую теорию.

Чтобы понять цель “Проблем” и природу споров, вызванных этой работой, необходимо сознавать характер школы, против которой она была направле-

ходимо помнить, что в 1875 году, когда Менгер начал работу над этой книгой, и даже в 1883 году, когда она была опубликована, еще не начали выходить работы его учеников, которые привели к четкому закреплению позиций школы, и что он вполне мог считать, что дальнейшие усилия окажутся тщетными, пока не будет разрешен принципиальный вопрос.

В каком-то смысле, *Untersuchungen* представляют собой не меньшее достижение, чем *Grundsätze*. В полемике против притязаний исторической

на. Название “молодая историческая школа” может вводить в заблуждение: в отличие от фон Савиньи и “старой исторической школы” в экономике эту “молодую” школу интересовала не история как исследование уникальных событий, а историческое исследование как эмпирический подход, ведущий, в конечном итоге, к теоретическому объяснению социальных институтов. Благодаря изучению исторического развития, она надеялась прийти к выявлению законов развития социального целого, которые, в свою очередь, позволяли вывести исторические законы каждого этапа этого развития. Это была разновидность позитивистско-эмпирического подхода, которая позднее была принята американскими институционалистами и которая отличалась от схожих недавних попыток только недостаточно серьезным использованием статистических методов, и которую, вслед за Поппером, лучше всего называть историцизмом.

Именно от такого использования истории как средства обнаружения эмпирических законов Менгер пытался защитить то, что он считал основной задачей теории — воссоздание структуры социального целого из его частей при помощи процедуры, которую Шумпетер называл “методологическим индивидуализмом”, а сам Менгер — “композитивным методом”. По сути, речь шла о том, что сегодня называют микротеорией. Менгера всерьез интересовали история и генезис институтов, и он старательно подчеркивал различие между задачами теории и задачами истории и прилагал все усилия, чтобы не допустить смешения их методов. Проведенное им различие позднее оказало значительное влияние на работы [Генриха] Риккерта и Макса Вебера. Возможно, наиболее важной заслугой его исследования было четкое осознание, во-первых, того, что задача всей социальной теории заключается в прослеживании того, что теперь обычно называют непреднамеренными последствиями отдельных действий (Менгер использовал термин *unbeabsichtigte Resultante*), и, во-вторых, того, что в этом предприятии генетические и функциональные аспекты нельзя разделять (*Untersuchungen*, op. cit., 1963). При разъяснении и иллюстрации своей точки зрения он выходит далеко за пределы экономики и уделяет особое внимание возникновению права.

Природа спора зачастую затемнялась тем обстоятельством, что Менгер, выступая против того, что он считал господствующей псевдоисторической шко-

школы на исключительное право толкования экономических проблем с этой книгой вряд ли что-то может сравниться. Менее ясно, можно ли столь же высоко оценить ее положительное изложение теоретического анализа. Если бы Менгер был известен только благодаря этой работе, сожаление, которое иногда высказывают его поклонники, что он отошел от своих работ по конкретным проблемам экономики, имело бы смысл. Это не значит, что его рассуждения о характере теоретического или абстрактного метода не имели большого значения или влияния. Возможно, эта книга — больше, чем какая-либо другая, — способствовала прояснению особого характера научного метода в социальных науках и оказала огромное влияние на профессиональных «методологов» среди немецких философов. Но мне, во всяком случае, кажется, что ее основное значение для современного экономиста заключается в необычайно глубоком понимании природы социальных явлений, которое обнаруживается при рассмотрении указанных проблем для иллюстрации различных методов и при рассмотрении развития идей, с которыми должны работать социальные науки. Рассмотрение несколько устаревших взглядов, например органического или, точнее, физиологического толкования социальных явлений, позволяет ему прояснить истоки и характер социальных институтов, что может представлять интерес для современных экономистов и социологов.

Один из основных тезисов книги следует рассмотреть более подробно: подчеркивание необходимости строго индивидуалистического или, как он обычно говорил, атомистического метода анализа. Один из наиболее выдающихся последователей Менгера отмечал, что «сам он всегда оставался индивидуалистом в смысле классической экономической науки, чего нельзя сказать о его последователях». Вряд ли такое утверждение применимо больше, чем к паре случаев. Но в любом случае в нем явно недооценивается метод, использованный Менгером. То, что у классических экономистов оставалось некой смесью этических постулатов и методологических инструментов, было систематически развито им в последнем направлении. И если внимание к субъективной составляющей в работах представителей австрийской школы полнее и убедительнее, чем в работах представителей любой другой школы современной экономической

лой в экономической науке, придерживался идей, заимствованных у исторической школы в правоведении. Эти идеи восходят к Манделлиу, Дэвиду Юму и шотландским философам конца XVIII века, хотя не вполне ясно, насколько хорошо Менгер был знаком с этими источниками XVIII века. Стоит отметить, что Менгер всегда интересовался историей экономической теории и искусно использовал ее в своих лекциях в качестве введения к проблемам современной экономической теории». — *Ред.*]

науки, то этим они во многом обязаны блестящему обоснованию, приведенному Менгером в этой книге.

Его первая книга не привлекла внимания немецких экономистов. Но он не мог пожаловаться на недостаток внимания ко второй его книге. Резкая критика единственного признанного учения сразу же привлекла к себе внимание и вызвала среди прочих враждебных отзывов необычайно враждебную менторскую отповедь главы школы Густава Шмоллера³⁸. Менгер принял вызов и ответил страстным памфлетом *Irrthümer des Historismus in der deutschen Nationalökonomie*³⁹, написанным в форме писем к другу, где он безжалостно громил позиции Шмоллера. С точки зрения содержания, в памфлете не было ничего нового по сравнению с *Untersuchungen*. Но он отличался необычайной силой и блеском изложения, которой Менгер смог достичь, занимаясь не построением сложной академической аргументации, а участием в открытом споре.

Вслед за учителями к спору вскоре подключились также ученики. Создалась редко встречающаяся в научном споре обстановка враждебности. С австрийской точки зрения направленность спора определил сам Шмоллер, который после выхода памфлета Менгера пошел на беспрецедентный шаг и объявил в своем журнале, что, хотя он получил экземпляр книги для рецензии, он не смог оценить ее, потому что сразу же вернул ее автору, и воспроизвел оскорбительное письмо, приложенное к возвращенной книге⁴⁰.

³⁸ Gustav Schmoller, «Zur Methodologie der Staats- und Sozialwissenschaften», *Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im deutschen Reich*, 1883. При переиздании этой статьи наиболее оскорбительные отрывки были изъяты: Gustav Schmoller, *Zur Literaturgeschichte der Staats- und Sozialwissenschaften* (Leipzig: Duncker und Humblot, 1888).

³⁹ *Irrthümer des Historismus in der deutschen Nationalökonomie* (Vienna: A. Hölder, 1884). — *Ped.*]

⁴⁰ «Редактор *Jahrbuch* не в состоянии отрецензировать книгу, поскольку она немедленно была возвращена автору со следующим посланием: «Уважаемый господин, я получил посланную вами работу «Ошибки историцизма в немецкой экономической науке». К ней было приложено извещение: «От автора», поэтому я должен поблагодарить Вас лично за то, что Вы послали мне ее. Какое-то время назад мне сказали, что она, в сущности, представляет собой прямую атаку на меня, а поверхностный просмотр первой же страницы полностью подтвердил это. Хотя я должен поблагодарить Вас за внимание и желание просветить меня, я полагаю, что мне следует оставаться верным своим принципам в этой литературной борьбе. Поэтому я должен рассказать Вам о них и посоветовать Вам следовать им; они помогут Вам сберечь много времени и нервов. Я выбрасываю все такие

Чтобы понять, почему проблемы соответствующих методов больше всего волновали Менгера до конца его жизни, нужно представить, какие страсти вызывал этот спор и что означал для Менгера и его последователей разрыв с господствующей немецкой школой. Шмоллер дошел до публичных заявлений о том, что члены «абстрактной» школы не соответствовали занимаемым ими должностям в немецких университетах, а его влияние было достаточно сильным, чтобы сместить сторонников учения Менгера с академических постов в Германии. И через тридцать лет после завершения спора влияние новых идей, которые теперь торжествуют повсюду, затрагивало Германию меньше, чем любую другую страну мира.

Но, несмотря на такие нападки, за шесть лет – с 1884 по 1889 год – вышел целый ряд книг, которые окончательно закрепили в мире репутацию австрийской школы. Бём-Баверк уже в 1881 году опубликовал свое небольшое исследование *Rechte und Verhältnisse vom Standpunkt der wirtschaftlichen Güterlehre*, но только с одновременным выходом его работы о капитале *Geschichte und Kritik der Kapitalzintheorien* и *Ursprung und Hauptgesetze des wirtschaftlichen Wertes* Визера в 1884 году стало очевидно, насколько сильное подкрепление получило учение Менгера в этом лагере. Из этих двух работ более важной для дальнейшего развития основных идей Менгера, несомненно, была работа Визера, поскольку в ней содержалось исследование явления издержек, известное теперь как визеровский закон издержек, о котором уже шла речь ранее. Но еще через два года вышла работа Бём-Баверка *Grundzüge einer Theorie des wirtschaftlichen Güterwertes*⁴¹, которая, хотя и не добавила ничего особенно нового к работам Менгера и Визера, но благодаря огромной убедительности и четкости аргументации больше любой другой работы способствовала популяризации доктрины предельной полезности. В 1884 году

личные нападки на меня, не читая, в печь или в мусорную корзину, особенно когда я уже не жду от автора ничего хорошего. Поэтому я никогда не пытаюсь докучать публике литературными войнами в полемической манере многих немецких профессоров. Но мне бы не хотелось быть грубым с Вами и уничтожить так замечательно изданную небольшую книгу. Поэтому я с благодарностью возвращаю ее Вам в надежде, что Вы найдете ей лучшее применение. Я буду очень признателен Вам за дальнейшие нападки. Ибо “в большой вражде – много чести”. Искренне Ваш, Г. Шмоллер”».

⁴¹ Первоначально она была опубликована в виде нескольких статей у Конрада: *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, 1886; затем она была переиздана в 1932 году в 11-м номере *Series of Reprints of Scarce Tracts in Economics and Political Science*, выпускаемой Лондонской школой экономики.

два непосредственных ученика Менгера Виктор Матайя и Густав Грос опубликовали свои интересные работы о прибыли, а Эмиль Сакс выпустил небольшое, но очень качественное исследование по вопросу о методе, в котором он поддержал Менгера в его основном послыле, хотя и критиковал некоторые детали⁴². В 1887 году публикацией своей работы *Grundlegung der theoretischen Staatswirtschaft*, первой и наиболее полной попытки применить принцип предельной полезности к проблеме государственных финансов, Сакс внес свой основной вклад в развитие австрийской школы, и в том же году своим исследованием близкой проблемы природы дохода о себе заявил еще один из ранних учеников Менгера Роберт Мейер⁴³.

Но самым «урожайным» был 1889 год. В этом году были опубликованы *Positive Theorie des Kapitalzinses* Бём-Баверка, *Natürlicher Wert* Визера, *Zur Theorie des Preises* Цукеркандля, *Wert in der isolierten Wirtschaft* Коморжинского, *Neueste Fortschritte der Nationalökonomischen Theorie* Сакса и *Untersuchungen über Begriff und Wesen der Grundrente* Шуллерн-Шраттенхофена⁴⁴. В последующие годы много сторонников появилось также среди чешских, польских и венгерских экономистов из Австро-Венгерской монархии.

Возможно, наиболее успешным изложением учения австрийской школы на иностранном языке была «Чистая экономика» Маффео Панталеони, первое издание которой вышло в том же году⁴⁵. Из других

⁴² Viktor Mataja, *Unternehmungsgewinn* (Vienna: A. Hölder, 1884); G. Gros, *Die Lehre vom Unternehmungsgewinn* (Leipzig: Duncker und Humblot, 1884); Emil Sax, *Das Wesen und die Aufgaben der Nationalökonomie* (Vienna: A. Hölder, 1884).

⁴³ Robert Meyer, *Das Wesen des Einkommens* (Berlin: Hertz, 1887).

⁴⁴ В том же году два других венских экономиста Рудольф Ауспитц и Рихард Либен опубликовали свою работу «Исследования по теории цен», которая до сих пор остается одной из важнейших работ в области математической экономики. Но, несмотря на сильное влияние работ Менгера и его группы, они опирались скорее на основы, заложенные Курно и Тюененом, Госсеном, Джевонсом и Вальрасом, нежели на работы своих соотечественников.

⁴⁵ Maffeo Pantaleoni, *Principii di Economia Pura* (Florence: G. Barbera, 1889; второе издание – 1894; перевод на английский – London: Macmillan, 1898). Неправедливое обвинение Менгера в плагиате у Курно, Госсена, [Ричарда] Дженнингса и Джевонса, сделанное в итальянском издании, было устранено в английском издании, и позднее Панталеони исправил положение, осуществив перевод *Grundsätze* на итальянский и снабдив его своим предисловием: Maffeo Pantaleoni, *Principii fondamentali di economia pura, con prefazioni di Maffeo Pantaleoni* (Imola: P. Galeati, 1909, впервые опубликовано в виде приложения к: *Giornale degli Economisti* в 1906 и 1907 годах без предисловия Панталеони). Предисловие также пе-

итальянских экономистов идеи Менгера в большинстве своем или полностью были приняты Л. Коса, А. Грациани и Г. Маццола. Схожего успеха его идеи добились также в Голландии, где использование известным голландским экономистом Н. Г. Пирсоном учения о предельной полезности в его учебнике (1884–1890), опубликованном затем на английском языке под названием «Основы экономики», также оказало заметное влияние. Во Франции распространением нового учения занимались Шарль Жид, Е. Виллей, Шарль Секретан и М. Блок, а в Соединенных Штатах оно было тепло принято С. Н. Паттенном и Ричардом Эли. Даже первое издание «Принципов» Альфреда Маршалла⁴⁶, вышедшее в 1890 году, отражало намного большее влияние Менгера и его группы, чем могли представить себе читатели поздних изданий этой великой работы⁴⁷. А в следующие несколько лет Уильям Сمارт и Джеймс Бонар, которые еще до этого выказали свою приверженность австрийской школе, широко популяризировали ее работы в англоязычном мире⁴⁸. Но — и это возвращает нас к особому положению работы Менгера — теперь все более известными становились уже не столько его собственные работы, сколько работы его учеников. Основным объяснением этого было то, что тираж *Grundsätze* Менгера уже был распродан и книгу было трудно достать, а Менгер не давал разрешения ни на переиздание, ни на перевод. Он надеялся в скором времени предложить намного более проработанную «систему» экономической теории и уж во всяком случае не желал переиздавать работу без тщательной переработки. Но его внима-

реиздано и в итальянском переводе второго издания *Grundsätze*, о котором будет сказано ниже, опубликованном в Барии в 1925 году.

⁴⁶ [Маршалл А. *Принципы политической экономии*. Т. 1–3. М.: Прогресс, 1983–1984. — *Ред.*]

⁴⁷ Подтверждением этого служат также заметки, оставленные Маршаллом на полях его экземпляра *Grundsätze*, который хранится в библиотеке Маршалла в Кембридже. [В своей небольшой статье о Менгере в «Международной энциклопедии социальных наук» Хайек писал: «Его работа также оказала влияние на единственную важную конкурирующую школу того периода — неоклассическую кембриджскую традицию. Поначалу Альфред Маршалл, основатель кембриджской школы, изучал работы Менгера с куда большей прилежностью, чем можно себе представить по немногочисленным ссылкам на Менгера (большинство из которых было опущено в более поздних изданиях) в «Принципах» Маршалла». — *Ред.*]

⁴⁸ См., например: J. Bonar, «The Austrian Economists and Their View of Value», *Quarterly Journal of Economics*, vol. 3, October 1888, pp. 1–31, и «The Positive Theory of Capital», *ibid.*, vol. 3, April 1889, pp. 336–351.

ние отвлекали другие задачи, и осуществление этого замысла постоянно откладывалось.

Открытый спор Менгера со Шмоллером закончился в 1884 году. Но спор о методе продолжили другие, и поднимаемые в ходе него проблемы продолжали привлекать его внимание. В следующий раз открыто выступить по этим вопросам его подвиг выход в 1885 и 1886 годах нового издания шенберговского *Handbuch der politischen Ökonomie*, коллективного труда многих немецких экономистов, большая часть которых не придерживалась взглядов исторической школы, ставившего себе целью систематическое изложение всех вопросов политической экономии. Менгер отрецензировал эту работу для венского юридического журнала в статье, которая также вышла в виде отдельной брошюры под названием *Zur Kritik der politischen Ökonomie*⁴⁹. Ее вторая часть была посвящена главным образом рассмотрению классификации различных дисциплин, обычно объединяемых под названием «политическая экономия», — тема, которая через два года была рассмотрена более подробно в другой статье под названием *Grundzüge einer Klassifikation der Wirtschaftswissenschaften*⁵⁰. А в 1888 году он опубликовал одну из двух своих важных работ о сути, а не методологии экономической теории — *Zur Theorie des Kapitals*⁵¹.

Вполне очевидно, что появление этой статьи было вызвано несогласием с определением термина «капитал» в первой, исторической части работы Бём-Баверка «Капитал и процент». Рассмотрение не носит характер полемики. Книга Бём-Баверка упоминается только в положительном ключе. Но основная цель статьи явно состоит в отделении абстрактного понятия капитала как денежной ценности собственности, предназначенной для накопления, от смитовского понятия «произведенных средств производства». Его главный тезис, что различия в историческом происхождении благ с экономической точки зрения не имеют большого значения, а также акцент на необходимости четкого разграничения ренты, получаемой от уже существующих средств производства, и собственно процента, — до сих пор не получили должного внимания.

⁴⁹ См.: *Gesammelte Werke*, op. cit. vol. 3, pp. 99–131; сначала рецензия вышла в: *Zeitschrift für das Privat- und öffentliche Recht der Gegenwart*, vol. 14; отдельная брошюра: *Zur Kritik der politischen Ökonomie* (Vienna: A. Hölder, 1887).

⁵⁰ См. *Gesammelte Werke*, op. cit., vol. 3, pp. 185–218, и *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, 1889.

⁵¹ См.: *Gesammelte Werke*, op. cit., vol. 3, pp. 133–183, и *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, 1888; сокращенный перевод на французский, выполненный Шарлем Секретаном, вышел в том же году в *Revue d'Economie Politique* под названием «Contribution a la theorie du capital».

Примерно в то же самое время в 1889 году друзья почти убедили Менгера не откладывать и дальше публикацию нового издания *Grundsätze*. И хотя он уже написал новое предисловие к этому новому изданию (выдержки из которого были опубликованы более тридцати лет спустя его сыном во введении ко второму изданию), публикация, тем не менее, опять была отложена. В последующие два года его основное внимание было сосредоточено на целом ряде новых публикаций.

К концу 1880-х годов вечная проблема австрийских денег приняла такую форму, что серьезная и окончательная реформа стала казаться возможной и необходимой. В 1878–1879 годах падение цен на серебро привело к обесцениванию бумажных денег до серебряных и вскоре заставило отказаться от свободной чеканки серебряных денег; после этого стоимость австрийских бумажных денег постепенно выросла относительно серебра и колебалась относительно золота. Сложившаяся ситуация – во многих отношениях одна из наиболее интересных в истории денег – все более и более считалась неудовлетворительной, а поскольку финансовое положение Австрии впервые за долгое время казалось достаточно стабильным, все ожидали, что правительство займется решением этой проблемы. Кроме того, соглашение, заключенное с Венгрией в 1887 году, предусматривало незамедлительное создание комиссии для обсуждения подготовительных мер, необходимых для возобновления платежей в звонкой монете. После серьезной задержки, вызванной обычными политическими разногласиями между двумя частями дуалистической монархии, комиссия или, точнее, комиссии – одна для Австрии и одна для Венгрии – были созданы и созваны в марте 1892 года в Вене и Будапеште соответственно.

Обсуждение в *Wahrungs-Enquete-Commission*, наиболее заметным членом которой был Менгер, представляет значительный интерес не только из-за особой исторической ситуации, в которой она была вынуждена работать. В качестве основы ее работы австрийское министерство финансов с необычайной тщательностью подготовило три объемных меморандума, содержащих, возможно, наиболее полное из когда-либо публиковавшихся собрание документальных материалов по денежной истории предыдущего периода⁵². В состав комиссии, помимо Менгера, вошли также другие известные экономисты, например Сакс, Рихард Либен и Маттай, и многие журналисты, банкиры и промышленники, например Бе-

⁵² *Denkschrift über den Gang der Währungsfrage seit dem Jahre 1867; Denkschrift über das Papiergeldwesen der österreichisch-ungarischen Monarchie; Statistische Tabellen zur Währungsfrage der österreichisch-ungarischen Monarchie*. Все они были опубликованы министерством финансов в 1892 году.

недикт, Гертцка и Тауссиг, хорошо знакомые с денежными проблемами, а Бём-Баверк, служивший в министерстве финансов, был одним из представителей правительства и заместителем председателя. Задачей комиссии была не подготовка отчета, а рассмотрение и обсуждение взглядов ее членов по множеству вопросов, поставленных перед ними правительством⁵³. Эти вопросы касались основы будущих денег, вывода из оборота — в случае принятия золотого стандарта — существовавших серебряных и бумажных денег, обменного курса существовавшего бумажного флорина и золота и природы будущей денежной единицы.

Знание проблемы, а также дар ясного изложения, позволили Менгеру сразу же занять ведущие позиции в обсуждении, а его заявления привлекали такое широкое внимание, что однажды даже привели к временному спаду на фондовой бирже. Его вклад заключался не столько в обсуждении общего вопроса о выборе стандарта — здесь практически все члены комиссии были согласны с тем, что принятие золотого стандарта было единственно возможным решением, — сколько в тщательном рассмотрении практических проблем установления паритета и определения времени перехода. И во многом благодаря его оценке этих практических трудностей, связанных с переходом к новому денежному стандарту, и обзору различных соображений, которые необходимо принимать в расчет, его свидетельства по праву получили признание. И сегодня они представляют необычайный интерес, так как почти все страны столкнулись со схожими проблемами⁵⁴.

Работа о деятельности этой комиссии — первая в ряде работ, посвященных проблемам денег, — была законченным и зрелым результатом тщательного изучения этих вопросов. За один год было опубликовано больше работ, вышедших из-под пера Менгера, чем за любой другой период

⁵³ Ср.: *Stenographische Protokolle über die vom 8. bis 17. März 1892 abgehaltenen Sitzungen der nach Wien einberufenen Währungs-Enquete-Commission* (Vienna: k.k. Hof- und Staatsdruckerei, 1892). Незадолго до начала работы комиссии Менгер изложил основные проблемы в публичной лекции: Carl Menger, «Von unserer Valuta», *Allgemeine Juristen Zeitung*, nos. 12–13, 1892.

⁵⁴ К сожалению, в рамках данной статьи невозможно уделить этому важному эпизоду в истории денег место, которого он заслуживает вследствие его тесной связи с Менгером и его школой и вследствие общего интереса обсуждавшихся проблем. Он вполне заслуживает специального исследования, и очень жаль, что не существует изложения истории тогдашних дискуссий и проводившихся мероприятий. Помимо официальных публикаций, упомянутых ранее, сочинения Менгера являются наиболее важным источником для такого исследования.

его жизни. Результаты изучения особых проблем Австрии были изложены в двух отдельных брошюрах. Первая, под названием *Beiträge zur Währungsfrage in Oesterreich-Ungarn*⁵⁵, посвященная истории и особенностям австрийской денежной проблемы и общему вопросу о принятии стандарта, представляет собой пересмотренное издание ряда его статей, которые вышли ранее в том же году в конрадовском *Jahrbücher* под другим названием⁵⁶. Вторая, названная *Der Uebergang zur Goldwährung, Untersuchungen über die Wertprobleme der österreichisch-ungarischen Valutareform*⁵⁷, рассматривает главным образом технические проблемы, связанные с принятием золотого стандарта, особенно вопросы установления правильного паритета и факторы, способные повлиять на курс валюты после завершения перехода.

Но в этом же году было опубликовано намного более общее исследование проблемы денег, которое не касалось напрямую вопросов, стоявших на повестке дня, и которое следует считать третьим и последним важным вкладом Менгера в экономическую теорию. Речь идет о статье, посвященной проблеме денег, в третьем томе публиковавшегося тогда первого издания *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*.⁵⁸ Именно его занятия широкими исследованиями, проводившимися при подготовке этого подробного изложения общей теории денег, исследования, занимавшие его в предшествующие два или три года, позволили Менгеру принять участие в обсуждении австрийских проблем. Его, конечно, всегда интересовали вопросы денег. Последняя глава *Grundsätze* и разделы *Untersuchungen über die Methode* содержат важные наблюдения, особенно по вопросу о происхождении денег. Следует также отметить, что, среди множества рецензий, которые Менгер писал в ежедневные газеты, особенно в молодости, в 1873 году были две, в которых подробно рассматривались «Очерки» Д. Э. Кернса о последствиях открытия месторождений золота: во многих отношениях поздние взгляды Менгера тесно связаны со взглядами Кернса.

Но хотя ранние работы Менгера, особенно предложенная им идея различных степеней «продаваемости» различных благ в качестве основы для понимания функции денег, обеспечили бы ему достойное место в истории учений о деньгах, именно его последняя крупная публикация стала основным вкладом в центральную проблему ценности денег. До появления работы профессора Мизеса двадцать лет спустя, ставшей прямым продолжением работы Менгера, эта статья оставалась основным вкладом

⁵⁵ См.: *Gesammelte Werke*, op. cit., vol. 4, pp. 125–187.

⁵⁶ «Die Valutaregulierung in Oesterreich-Ungarn», *Jahrbucher für Nationalökonomie und Statistik*, 1892.

⁵⁷ См.: *Gesammelte Werke*, op. cit., vol. 4, pp. 189–224.

⁵⁸ См.: *Ibid.*, vol. 4, pp. 1–116.

австрийской школы в теорию денег. Стоит немного остановиться на вопросе о сути этого вклада, ибо здесь по-прежнему существует значительное недопонимание. Существует мнение, что вклад австрийской школы заключался только в несколько механической попытке применить принцип предельной полезности к проблеме ценности денег. Но это не так. Основное достижение австрийцев в этой области состоит в последовательном использовании в теории денег субъективистского или индивидуалистического подхода, который на самом деле лежит в основе анализа предельной полезности, но который намного шире и имеет более универсальное значение. В этом и состоит заслуга Менгера. Его изложение значения различных теорий ценности денег, причин изменений и возможности измерения этой ценности, а также его исследование факторов, определяющих спрос на деньги, на мой взгляд, представляет собой значительный шаг вперед по сравнению с традиционным подходом количественной теории с точки зрения агрегатных и средних величин. И даже там, где, как в случае с привычным для него различием между «внутренней» и «внешней» ценностью денег (*innere und äußerer Tauschwert*), используемые термины несколько сбивают с толку — различие относится не к разнообразным видам ценности, как может показаться из терминологии, а к разнообразным силам, которые влияют на цены, — основная идея проблемы необычайно современна.

Перечень основных работ Менгера, вышедших в свет при его жизни, неожиданно обрывается на публикациях 1892 года⁵⁹. В последние три десятилетия его жизни он опубликовал только несколько небольших статей, полный перечень которых приведен в библиографии его работ в конце последнего тома его собрания сочинений. Еще несколько лет эти публикации были посвящены главным образом вопросам денег. Из них особого упоминания заслуживают лекция *Das Goldagio und der heutige Stand der Valutareform* [1893]⁶⁰, статья о деньгах и чеканке монеты в Австрии после 1857 года в *Österreichische Staatswörterbuch* [1897] и особенно полностью пересмотренная публикация его статьи о деньгах в четвертом томе второго издания *Handwörterbuch der Staatswissenschaften* [1900]⁶¹. Последние пуб-

⁵⁹ Помимо упомянутых здесь работ в том же году были опубликованы статьи на французском и английском языках: Carl Menger, «La Monnaie Mesure de la Valeur», *Revue d'Economie Politique*, vol. 6, 1892; Carl Menger, «On the Origin of Money», *Economic Journal*, vol. 2, 1892, pp. 239–255.

⁶⁰ См. *Gesammelte Werke*, op. cit., vol. 4, pp. 308–324.

⁶¹ Переиздание той же статьи в четвертом томе третьего издания *Handwörterbuch* [1909] содержит лишь небольшие стилистические изменения по сравнению со второй редакцией.

ликации в основном носят характер рецензий, биографических заметок и предисловий к работам его учеников. Последняя опубликованная статья Менгера представляет собой некролог его ученику Бём-Баверку, скончавшемуся в 1914 году.

Причина такой кажущейся бездеятельности понятна. Менгер решил полностью сосредоточиться на основных поставленных для себя задачах — на долго откладывавшейся систематической работе по экономической теории и на всестороннем исследовании природы и методов социальных наук в целом. На завершение этой работы были направлены его основные усилия; в конце 1890-х годов он рассчитывал осуществить публикацию в ближайшем будущем, причем в значительной части работа уже была готова. Но его интересы и охват намеченной работы продолжали расширяться. Менгер счел необходимым перейти и другим дисциплинам. Философия, психология и этнография⁶² отнимали все больше и больше его времени, и публикация его работы вновь и вновь откладывалась. В 1903 году в сравнительно раннем возрасте — ему тогда было 63 года — Менгер оставил кафедру для того, чтобы полностью посвятить себя своей работе.⁶³ Но он постоянно был чем-то недоволен и продолжал работу над рукописью вплоть до своей смерти в 1921 году в возрасте восьмидесяти одного года. Изучение его рукописей показало, что в какое-то время значительная часть работы уже была готова к публикации. Но даже после того, как силы начали покидать его, он продолжал пересматривать и переделывать рукописи столь серьезно, что всякая попытка восстановления будет очень трудной, если не невозможной задачей. Некоторые материалы, имевшие отношение к предмету *Grundsätze* и частично предназначенные для нового издания этой работы, были включены его сыном во второе издание, опубликованное в 1923 году⁶⁴. Но гораздо больше материалов осталось в виде обширных, но разрозненных и неупорядоченных рукописей, которые могут стать доступными только благодаря

⁶² Чтобы оценить влияние Менгера, следует сказать, что его идеи были введены в антропологию Рихардом Турнвальдом, одним из его учеников.

⁶³ В результате почти все поздние представители австрийской школы («третье поколение»), например профессора Ганс Майер, Людвиг фон Мизес, Йозеф Шумпетер, были непосредственными учениками не Менгера, а Бём-Баверка или Визера.

⁶⁴ Carl Menger, *Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, Zweite Auflage mit einem Geleitwort von Richard Schüller aus dem Nachlaß herausgegeben von Karl Menger*, op. cit. Всестороннее рассмотрение изменений и дополнений, сделанных в этом издании, см.: F.X. Weis, «Zur zweiten Auflage von Carl Mengers Grundsätzen», *Zeitschrift für Volkswirtschaft und Sozialpolitik*, N.S., vol. 4, 1924.

долгой и упорной работе очень искусного редактора. Во всяком случае в настоящее время результаты деятельности последних лет жизни Менгера следует считать утраченными⁶⁵.

Рискованная попытка дополнить этот очерк научной карьеры Менгера оценкой его характера и личности была бы сомнительной для того, кто не знал его лично. Но поскольку о нем так мало известно нынешнему поколению экономистов и поскольку нет ни одного всестороннего литературного портрета, попытка объединить немногочисленные записи о нем его друзей и учеников⁶⁶ и устные предания Вены может оказаться не такой уж неуместной. Такие впечатления, естественно, относятся ко второй половине его жизни, ко времени, когда он прекратил активное участие в делах окружающего мира и погрузился в спокойную и размеренную жизнь ученого, посвященную только преподаванию и исследовательской работе.

Впечатления молодого человека от одного из тех редких случаев пребывания рядом с почти легендарной личностью прекрасно переданы на известной гравюре Ф. Шмутцера. Вполне возможно, что сохранившийся образ Менгера обязан этому мастерски выполненному портрету не меньше, чем воспоминаниям. Массивную, рельефную голову с большим лбом, выполненную грубоватыми, но ясными линиями, не просто забыть. Среднего роста⁶⁷, с пышной шевелюрой и бородой — во времена своего расцвета Менгер должен был производить необычайно сильное впечатление.

⁶⁵ [Незадолго до своей смерти в 1985 году Карл Менгер-младший почти завершил биографию своего отца, и семья Менгера, в соответствии с его распоряжением, доверила завершение рукописи профессору Альберту Цлабингеру, директору института Карла Менгера в Вене. Кроме того, собрание рукописей Карла Менгера недавно было приобретено университетом Дьюка. — *Ped.*]

⁶⁶ Следует особо упомянуть о небольших заметках Ф. фон Визера и Р. Цукеркандля соответственно: *Neue österreichische Biographie* (Vienna: Amalthea, 1923); *Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung*, vol. 19, 1911.

⁶⁷ [В первоначальном варианте текста написано «высокого». В немецком варианте статьи в 1968 году Хайек писал: «Следует отметить, что единственная внесенная мною в текст фактическая поправка касается единственной детали, о которой я могу свидетельствовать по собственному опыту. В первоначальном английском тексте я описал Карла Менгера как высокого, и именно такое впечатление произвел на меня этот достойный человек во время церемонии в Венском университете. Но все, кто знали его лучше, позднее уверили меня, что он был только среднего роста». — *Ped.*]

В годы после его отставки среди молодых экономистов, вступавших на путь университетской карьеры, традицией стало совершать паломничество в его дом. Их встречал радушный прием Менгера среди его книг, где они говорили с ним о жизни, которую он знал так хорошо и от которой отошел, получив все, что хотел. И со стороны он с интересом наблюдал за экономикой и университетской жизнью до конца своих дней, а когда в последние годы ухудшающееся зрение победило в нем неутомимого читателя, он заставлял посетителей рассказывать о своей работе. В последние годы он производил впечатление человека, после долгой и активной жизни продолжавшего работать не ради какого-то долга или возложенного на себя обязательства, а из чистого интеллектуального удовольствия движения в стихии, которая стала его собственной. В последние годы жизни он, возможно, в какой-то степени соответствовал распространенному представлению об ученом, не имеющем связей с реальным миром. Но это не было результатом ограниченности его мировоззрения. Это был результат сознательного выбора в зрелом возрасте, совершенного человеком, который имел богатый и разнообразный опыт.

И если бы Менгер только пожелал, у него не было бы недостатка ни в возможностях, ни во внешних знаках отличия, чтобы стать одной из самых влиятельных фигур в общественной жизни. В 1900 году он стал пожизненным членом верхней палаты австрийского парламента. Но Менгера не интересовала возможность участия в его работе. Для него мир был объектом исследования, а не действия, и именно поэтому пристальное наблюдение за ним доставляло ему такую радость. Бесполезно искать в его опубликованных работах какого-то выражения его политических взглядов⁶⁸. На самом деле он тяготел к консерватизму или либерализму старого типа. Он не без симпатий относился к движению за социальные реформы, но социальный энтузиазм никогда не смешивался с его холодными рассуждениями. В этом, как и во многом другом, он представлял любопытную противоположность своему более страстному брату Антону⁶⁹. Поэтому по-

⁶⁸ [Но см.: Streissler, «Carl Menger on Economic Policy: The Lectures to Crown Prince Rudolph». Штрейсслер отмечает, что записи Рудольфа «показывают, что Менгер был классическим либералом чистой воды, отводившим государству куда меньшую роль, чем даже Адам Смит» (р. 110). — *Ред.*]

⁶⁹ Два брата были постоянными членами группы, которая в 1880–1890-х годах почти каждый день собиралась в кофейне напротив университета и первоначально состояла главным образом из журналистов и предпринимателей, а позднее — все больше из бывших учеников и студентов Менгера. Именно благодаря этому кружку, по крайней мере до своей отставки из университета, Менгер сохранял связь и оказывал некоторое влияние на текущие дела. Про-

коления студентов помнят Менгера, как одного из самых лучших преподавателей университета⁷⁰, и именно так он оказывал косвенное влияние на австрийскую общественную жизнь⁷¹. И все, как один, с одобрением вспоминают удивительную ясность изложения. Показательно следующее описание впечатлений молодого американского экономиста, посещавшего лекции Менгера зимой 1892–1893 годов: «Профессор Менгер выглядит достаточно молодо для своих 53 лет. В лекциях он редко использует записи, разве что для сверки с цитатами и данными. Кажется, что идеи приходят к нему во время чтения лекции, и они излагаются столь ясным и простым языком и сопровождаются столь уместными жестами, что слу-

твительноположность между двумя братьями хорошо описана одним из его наиболее выдающихся учеников Рудольфом Зигхартом. Ср.: Rudolf Sieghart, *Die letzten Jahrzehnte einer Grossmacht* (Berlin: Ullstein, 1932), p. 21: «Братья Менгеры на самом деле были странной и необычной парой: с одной стороны Карл, основатель австрийской школы экономики и первооткрыватель психоэкономического принципа предельной полезности, учитель кронпринца Рудольфа, журналист в молодости, знакомый с большим миром и готовый отвернуться от него, революционер в своей области, хотя и придерживавшийся довольно консервативных взглядов в политике; с другой стороны Антон, нелюбимый, постепенно утративший интерес к своей собственной области — гражданскому праву и гражданскому процессу — и все более интересовавшийся социальными проблемами и ролью государства в их решении, страстно увлеченный проблемами социализма. С одной стороны, Карл, мастер ясного изложения и доступного письма, бесстрастного в духе Ранке; а с другой — Антон, менее доступный в своих работах, но увлеченный социальными проблемами во всех их проявлениях — гражданское право, экономика и политическая жизнь. Именно у Карла я научился экономической методологии, а на проблемах, занимавших меня, отразилось влияние Антона».

⁷⁰ Число людей, которые в то или иное время принадлежали к более тесному кругу учеников Менгера, а затем оставили след в австрийской общественной жизни, необычайно велико. К именам, уже упоминавшимся ранее в тексте, прибавим лишь некоторых из тех, кто внесли тот или иной вклад в специальную экономическую литературу: Карл Адлер, Стефан Бауэр, Мориц Дуб, Маркус Эттингер, Макс Гарр, Виктор Гратц, И. фон Грубер-Меннингер, А. Красни, Г. Кунвальд, Вильгельм Розенберг, Рудольф Зигхарт, Герман Шварцвальд, Е. Швидланд, Эрнст Сейлер и Рихард Турнвальд.

⁷¹ Однако через своего брата Макса, который многие годы входил в Совет Австрийской империи, и через различных знакомых по кофейне Менгер долгое время оказывал значительное влияние на политические и экономические взгляды немецких либеральных депутатов палаты представителей.

шать его — одно удовольствие. Студент чувствует, что его подводят, а не подталкивают к выводам, а когда они достигнуты, они возникают в уме не как нечто внешнее, а как очевидное следствие своего собственного мыслительного процесса. Говорят, что тем, кто регулярно посещает лекции профессора Менгера, не нужно специально готовиться к выпускным экзаменам по политической экономии, и я готов поверить этому. Я редко, если вообще когда-либо слышал лектора, который обладал бы таким же талантом сочетания ясности и простоты суждений с философской широтой взглядов. Его лекции редко бывают непонятными даже самым слабым студентам, и тем не менее они всегда содержат нечто полезное для самых проницательных»⁷². Все студенты Менгера сохранили особенно живые воспоминания о сочувственном и глубоком изложении истории экономических учений, а ротапринтные копии его лекций о государственных финансах студенты разыскивали для подготовки к экзаменам и через двадцать лет после его выхода в отставку.

Однако лучше всего его великий дар учителя раскрывался на его семинарах, собиравших избранный круг наиболее прилежных студентов и многих из тех, кто уже давно защитили свои докторские диссертации. Иногда обсуждение практических вопросов на семинарах строилось по образцу заседаний парламента, когда основные докладчики выступали за и против предлагаемых мер. Но чаще тщательно подготовленный одним из участников доклад служил основой долгих дискуссий. Менгер позволял студентам самим вести споры, но при этом с бесконечным старанием помогал готовить доклады. Он не только предоставлял свою библиотеку в полное распоряжение студентов и даже покупал особенно нужные книги, но и перечитывал рукописи, не только обсуждая основные вопросы, но и «обучая их публичной речи и технике дыхания»⁷³.

Новичкам поначалу трудно бывало установить с Менгером близкие отношения. Но как только он находил особый талант и включал студента в избранный круг участников семинара, он, не жалея сил, помогал ему в его работе. Связь Менгера с участниками его семинара не ограничивалась академическими дискуссиями. Он часто приглашал его участников на воскресные поездки за город или просил отдельных студентов составить ему компанию на рыбалке. На самом деле рыбалка была единственным его развлечением. Даже здесь он все пытался делать по науке, вникая в каждую деталь рыболовной техники и изучая специальную литературу.

⁷² Henry R. Seager, «Economics at Berlin and Vienna», *Journal of Political Economy*, vol. 1, 1893, pp. 236–262, особ. p. 255; Henry R. Seager, *Labor and Economic Essays* (New York: Harper, 1931).

⁷³ См.: Viktor Gratz, «Carl Menger», *Neues Wiener Tagblatt*, February 17, 1921.

Трудно представить Менгера горячо увлеченным чем-то, что не было бы связано с главной целью его жизни — изучением экономики. Но, помимо непосредственного изучения своего предмета, было еще одно занятие, которое увлекало его также сильно: собирание и сохранение его библиотеки. Экономический раздел его библиотеки сопоставим с тремя-четырьмя библиотеками, когда-либо составленными частными собирателями⁷⁴. Но она состояла не только из книг по экономике, собрания работ по этнографии и философии были не менее богатыми. После смерти Менгера значительная часть этой библиотеки, включая все книги по экономике и этнографии, была переправлена в Японию и теперь хранится как отдельная часть в библиотеке экономической школы в Токио (ныне университет Хитоцубаси). Только в экономическом разделе опубликованного каталога присутствует более 20 тысяч наименований⁷⁵.

⁷⁴ [В своей небольшой статье о Менгере в «Международной энциклопедии социальных наук» Хайек пишет, что в 1911 году Менгер оценивал величину библиотеки примерно в 25 тысяч томов. — *Ред.*]

⁷⁵ *Katalog der Carl Menger-Bibliothek in der Handelsuniversität Tokyo*, Erster Teil, Sozialwissenschaften (Tokyo: Bibliothek der Handelsuniversität, 1926), и *Katalog der Carl Menger-Bibliothek in der Hitotsubashi Universität*, vol. 2 (Tokyo: Bibliothek der Hitotsubashi University, 1955) содержат несколько портретов Менгера. О написанных от руки заметках в книгах из библиотеки Менгера, проливающих определенный свет на развитие его идей, см.: Emil Kauder, «Menger and his Library», *Economic Review*, Hitotsubashi University, vol. 10, 1959; Emil Kauder, «Aus Mengers nachgelassenen Papieren», *Weltwirtschaftliches Archiv*, vol. 89, 1962. С помощью профессора Эмиля Каудера библиотека университета Хитоцубаси выпустила ротاپринтные издания заметок из первых двух томов под названием: «Carl Mengers Zusätze zu Grundsätze der Volkswirtschaftslehre» и «Carl Mengers erster Entwurf zu seinem Hauptwerk “Grundsätze”, geschrieben als Anmerkungen zu den “Grundsätzen der Volkswirtschaftslehre” von Karl Heinrich Rau». [В своей небольшой статье о Менгере в «Международной энциклопедии социальных наук» Хайек писал о них: «Недавнее [1963 года] издание его замечаний к *Grundsätze der Volkswirtschaftslehre* Рау показывает, что именно критический анализ этого учебника с изложением классического учения подвиг — с 1867 года — Менгера на создание своей собственной теории ценностей. В обширной немецкой и французской литературе по экономике начала XIX века Менгер должен найти обильный материал для проведения глубокого анализа с точки зрения полезности. (В английской литературе традиция анализа с точки зрения полезности была выражена не так сильно.) По-видимому, среди работ, которые он смог привлечь, была одна из работ Курно, а также работа австрийского экономиста Йозефа Кудлера: Joseph Kudler, *Die Grundlehren*

Менгеру не суждено было осуществить замысел последних лет своей жизни и завершить большой трактат, который, как он надеялся, должен был увенчать его труды. Но он должен был быть удовлетворен тем, что его ранние работы принесли такие богатые плоды, и он до самого конца сохранял сильную и неослабевающую привязанность к избранному объекту исследований. Человек, который мог однажды сказать, как говорят о нем, что если бы у него было семь сыновей, они все бы занимались изучением экономики, вероятно, был необычайно счастлив в своей работе. Свидетельством его дара внушать схожий энтузиазм своим ученикам служит то, что многие выдающиеся экономисты с гордостью называют его своим учителем.

ПРИЛОЖЕНИЕ

МЕСТО «GRUNDSÄTZE» МЕНГЕРА В ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ⁷⁶

Grundsätze появились в 1871 году, спустя всего 95 лет после выхода в свет «Богатства народов», 45 лет после издания «Начал» Рикардо и каких-то 23 лет после пересмотра Дж. С. Миллем классической экономической теории. Об этих интервалах следует помнить, чтобы не кичиться современной экономической теорией (100 лет спустя), которая должна была добиться большего, чем она смогла добиться на самом деле. В конце этого столетия произошла еще одна революция, которая привела к смещению интереса к аспектам экономического анализа, слабо разрабатывавшимся в начале столетия, когда влияние работ Менгера было особенно велико. Тем не менее, в долгосрочной перспективе «микроэкономический» этап, который во многом обязан Менгеру, оказался достаточно продолжительным. На него пришлось более четверти от тех почти двух веков, что отделяют нас от Адама Смита.

der Volkwirtschaft (Vienna: Braumuller and Seidel, 1846). Однако среди источников не встречается работа автора, который наиболее полно предвосхитил его: Gossen, *Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs* (Braunschweig: Bieweg, 1854). — *Ред.*]

⁷⁶ [Опубликовано в: J.R. Hicks and W. Weber, eds., *Carl Menger and the Austrian School of Economics*, *op. cit.*, pp. 1–14. В сокращенном виде опубликовано также на немецком: «Die Stellung von Mengers «Grundsätzen» in der Geschichte der Volkwirtschaftslehre», *Zeitschrift für Nationalökonomie*, vol. 32, no. 2, 1972, pp. 3–9. — *Ред.*]